

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ЮЛИЯ СИМБИРСКАЯ

Грустная История
Глаши
Веселовой

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С37

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Симбирская, Юлия Станиславовна.

С37 Грустная история Глаши Веселовой : [повесть] / Ю. Симбирская; худож. Д. Лапшина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 189, [3] с. — (Мой первый роман).

ISBN 978-5-17-159814-3.

Из-за частых болезней Глаша не ходит в школу, она учится дома — благо, технологии позволяют. Друзей у Глафиры немного, но на жизнь, что называется, хватает. И в общем-то все идет своим чередом, пока мама не объявляет, что уезжает в командировку в ЮАР, а Глаша остается дома. С дедом. О существовании которого девочка даже не подозревала. Теперь, вместо того чтобы радоваться лету, каникулам и новому симпатичному соседу, Глаша ведет борьбу за независимость с непрошенным престарелым квартирантом. Но так ли нужна девочке эта война?

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Симбирская Ю. С., 2024
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

— Следи за дыханием! Диафрагма! Живот! Опусть гортань!

Я высунулась в окно. Это Сима из соседнего подъезда вела урок. Зимой я её почти не слышу, потому что в нашем доме стены толстые, а в окнах звуконепроницаемые стеклопакеты. Но сейчас конец апреля, всё нараспашку, и трели Симиных учеников легко залетают в нашу кухню. В этом году весна всех удивила, взяла и выдала плюс восемнадцать ещё до майских праздников. Любой запоёт!

— Вот интересно, если бы мы жили рядом с зоопарком, слышали бы, как трубят слоны? — спрашиваю я маму.

— Да, может, и слышали бы, — задумчиво отвечает мама и рассматривает полку в верхнем шкафчике. — Валентин Валентинович живёт возле «Товарищества Изюмовых», у него вся квартира шоколадом с ванилью пропахла, даже костюм! Куда я дела витамины?

«Товарищество Изюмовых» — название нашей местной кондитерской. Я бы не отка-

залась обитать поблизости, может, даже больше, чем рядом со слонами, хотя многие считают слонов романтичнее конфет.

Мы с мамой живём на третьем этаже. Почти все окна у нас во двор, а двор зелёный и уютный, потому что на втором этаже живёт тётя Люся. Она назначила себя двороправительницей. А Ираида Сергеевна с пятого — домоправительница. У тёти Люси очки в коричневой пластмассовой оправе, а стёкла такие толстые, что глаза за ними похожи на двух печальных рыб. У Ираиды Сергеевны очков нет, глазки острые, как у мышки, а на голове кудрявый парик. Наши правительницы наперегонки заботятся о порядке, так что он правда идеальный. Даже покрышки всегда покрашены свежей краской. Я ненавижу эти крашенные покрышки на газоне. В дырку насыпают земли и сажают куст пионов или анютины глазки. Цветы беззащитные, поэтому терпят. Если бы могли, так точно удрали бы при первой возможности. В позапрошлом году Ираида Сергеевна собиралась поучаствовать в конкурсе от муниципалитета «Цветущий двор» и в компанию к покрышкам притащила огромного свалявшегося медведя. Они с тётей Люсей тогда громко спорили, что красиво, а что «дряни кусок». Выиграла тёти-Люсиная «дрянь», то есть Ираиде Сергеевне пришлось тащить медведя туда, где он раньше был. Я держалась тёти-Люсиной стороны и даже опоздала на биологию на пять минут, пока следила за поединком. Правиль-

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ ГЛАШИ ВЕСЕЛОВОЙ

но! Конкурс назывался «Цветущий двор», а медведи с тазами не цветут. Но крыши из нашего двора, наверное, никуда не денутся. Они тётке Люсе дороги, как память о работе.

— Эти женщины всю жизнь привыкли трудиться на шинном заводе! — говорит мама с восхищением. Восхищаться она умеет. Она вообще к людям относится по умолчанию хорошо и считает, что, если человек не очень приятный, надо разобраться, что его довело до такой жизни. — Где же витамины? Вот на этом месте вчера стояли!

— Подумаешь, — я пожимаю плечами. — Все трудятся. Не только на заводе, кстати. И вообще тётка Люся с Ираидой давно уже на пенсии. Они ведь совсем старые!

— Нет, не все трудятся, — не соглашается мама. — Многие только делают вид. А ещё куча народу только ноет и бездельничает. Да не такие уж они и старые. Точно помню, что ставила витамины на эту полку.

— А почему же твои трудовые женщины такие злющие? — Я смотрю на маму и жду, что она растеряется. — Даже собак ненавидят. Я сама слышала, как обсуждали. Вот твои витамины!

— О! Спасибо! Это не просто желейные мишки, Глаша, не надо их хаотично поедать. Тётка Люся с Ираидой не злющие, — мама не замешкалась ни на секунду. — А насчёт собак — нонсенс! Тётка Люся воспитывает Авву...

Тут, как по заказу, со двора слышится тёти-Люсин бас:

— Эй, мальчик! Ты чего тюльпаны нюхаешь? Не для тебя посажены. Иди в свой двор и нюхай!

Я оборачиваюсь к маме:

— Вот! Гонит какого-то мальчика. Тюльпанов ей жалко! Злющая, как жаба! Авву она за собаку не считает. Авва для неё человек.

Мама отмахивается. Не придирается к жабе, а могла бы, потому что сравнение не очень удачное, я согласна. А как кто злющая? Как оса? Как медведь? Как змея? Как бультерьер? Но мамини мысли уже уплыли, она собирается на работу, поэтому домашняя жизнь с тётёй Люсей отодвигается на потом.

Я высовываюсь в окно: сверху тётя Люся похожа на мешок с картошкой, потому что чуть не до лета ходит в коричневом шуршащем пальто и в коричневой шапке. Обычно тётя Люся держит кулёк из махрового полотенца. Из него выглядывает белая кудрявая собачка Авва. Я специально посмотрела в «Атласе пород собак» и определила, что Авва — мальтийская болонка. Люблю точность. Тётя Люся разговаривает басом, а Авва тявкает в верхнем регистре, как сказала бы Сима, аж уши закладывает.

— Глаша, не сиди у открытого окна, продует! — кричит мне мама из прихожей. — Я ушла.

Хлопает дверь. Я и не думаю отлипнуть от окна, потому что люблю, когда меня про-

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ ГЛАШИ ВЕСЕЛОВОЙ

дувает весенним ветром, и хочу дожждаться, когда мама выйдет из подъезда и попробует проскочить мимо тёти Люси, «прикидываясь ветошью». Это, кстати, её выражение. Готова поспорить, у мамы не получится. Слышно, как тирленькает домофон. Мама машет мне, сворачивает на боковую тропинку и нос к носу сталкивается с тётёй Люсей, которая выплывает из-за куста сирени.

Авва:

— Рррряввв-тяв-тяв.

Тётя Люся:

— Бу-бу-бу!

Мама:

— Добрый день! Ой, я спешу. Тю-тю-тю...

«Тю-тю-тю» — это я не расслышала, что там мама лепетала. Но в этот раз тётя Люся её быстро отпустила. Она вообще маму почти любит. Я чихнула, закрыла окно и полезла в верхний шкафчик за мукой и какао. В планах на вечер шоколадный кекс.

Печь я полюбила с прошлого года, когда маме на работе подарили планетарный миксер. Это такая штукавина, которой можно гордиться. Ну, правда, всё умеет. Мы с мамой сначала растерялись и боялись к нему подступиться, а потом я взяла дело в свои руки и разобралась, как он работает. Ничего сложного, на самом деле. С тех пор приходится постоянно какое-нибудь тесто замешивать, потому что миксер втянул меня в дружбу. Не могу я другу отказать — общаюсь. У мамы в лаборатории все уже растолстели,

потому что мама носит мои плюшки и бисквиты вечно голодным лаборантам и научным сотрудникам. Особенно часто Валентину Валентиновичу — своему начальнику. Он, кстати, и предложил подарить маме миксер на защиту кандидатской диссертации. Интересно было бы спросить Валентина Валентиновича, почему именно планетарный миксер, а не сертификат на полёт в аэротрубе или мотогонки по пустыне. Но мама отказалась спрашивать, напомнив про дарёного коня с его зубами. Подозреваю, что подсознание побудило ВВ к такому подарку. Поживи рядом с месторождением конфет и тортиков, будешь везде насаждать культуру «Товарищества Изюмовых». В общем, теперь я пеку, мама восхищается — все довольны. Мама печь не умеет. Зато варит вкуснющие супы, наверное, потому что химик и знает, как там что правильно смешать, какая реакция должна при этом происходить. Или потому что специально окончила суповые курсы. Записалась по объявлению и два месяца ходила в кафе «СупЪ», да, прямо так и называется, на практические занятия.

Я всё о маме да о себе. Ничего удивительного. Мы живём вдвоём. И вообще в городе больше никого из наших родственников нет. Бабушка уехала к маминому брату дяде Саше три года назад. Когда я в бабушкиной школе сказала, куда уехал заслуженный учитель на пенсии Сметанина Анна Юрьевна, все ахнули. А что ахать? Ну, в Австралию. Подума-

ешь! Не на Марс же. Мне, конечно, очень жаль, что теперь общаться с бабушкой можно только по видеосвязи, но мы с мамой копим на Австралию, так что ещё обнимемся по-настоящему. Конечно, у нас тут есть друзья, знакомые, но всё-таки печально, что кроме них больше никого. И папы у меня нет. Он умер, когда я только родилась. Где-то очень далеко живут другие бабушка и дедушка — папины родители, но я их совсем не знаю. Мама одно время посылала им мои фотографии с детсадовских утренников, а потом прекратила. Я спросила, почему, а мама сразу расстроилась. Ответ-то так себе — бабушка и дедушка перестали с нами общаться. Вот вам грустная история Глафиры Веселовой. Кстати, Глафирой назвал меня папа.

Да, я же кекс собиралась печь, а сама опять в окно уставилась, разглядываю, как в доме напротив золотятся решётка на башенке и стрелки на часах. Это от закатного солнца. Кстати, часы всегда показывают точное время. Мама придумала легенду, будто за временем следят гномы, которые живут в башенке. Но скоро липы и ясени буйно зазеленеют, и башенка спрячется за кронами, так что надо ловить момент. А что мама вечером на работу убежала — ничего странного. Ей нужен эксперимент провести. Это же химия. Реакции ждать не будут.

Я сняла с крючка фартук и косынку, потому что волосы у меня кудрявые, везде лезут, а из планетарного миксера, бывает, летит

шоколад. Честно говоря, ещё в прошлом году, в тринадцать лет, я очень переживала, что не нажила никакого интересного увлечения. Ни народные танцы, ни гимнастика, ни стрельба из лука, ни театральная студия меня не впечатлили. Всё хорошее, но не моё. А вот кухня всегда манит. Я даже в кафе когда прихожу, самые интересные блюда исследую и запоминаю — как что приготовлено. Зелёную гречку вот ввела в наш с мамой рацион.

— Крекс! Пекс! Фекс! Жил на кухне кекс! — сочинила я на ходу и похлопала планетарный миксер по чаше. Да, самое важное чуть не забыла — его Платоша зовут. А то я всё миксер да миксер, как про неродного рассказываю. Быстро загрузила в чашу всё по рецепту, нажала кнопку и... ничего. Да и вообще на кухне было подозрительно тихо. Я обернулась на холодильник — правильно, зелёные кнопочки наверху не горят, часы на плите тоже погасли. Я пощёлкала выключателем — света не было. Отлично! Телефон был заряжен почти на сто процентов. Я за этим слежу. Но вдруг нам долго без электричества сидеть? И ночь ведь впереди. Сейчас быстро стемнеет. Я отправила сообщение маме, а потом опять открыла окно и высунулась по пояс в поисках тёти Люси, она точно должна знать, что случилось, но во дворе никого не было. Плотные облака сожрали весь вечерний свет. Симины ученики напелись и разошлись. Ну и ну! Захотелось срочно прибавить миру

громкости и яркости, но никто не знает, где нужная кнопка.

Тогда я села на кухонный диванчик и стала смотреть в тёмный коридор. Досмотрелась до того, что тени там, в глубине, стали слишком объёмными, и у меня похолодело в животе, а я ведь не боюсь ни темноты, ни высоты.

«Глаша, не волнуйся. Я позвонила диспетчеру. Авария. Устраняют. Скоро приду», — написала мама. Очень хотелось, чтобы загудел холодильник, включились часы на плите. Оказывается, я не привыкла сидеть в такой тишине. Самой, что ли, погудеть? Бу-у-у-у-у... Тут на площадке за входной дверью послышались шаги и голоса.

Я подошла к двери и посмотрела в глазок. Там было темно и мелькали огоньки телефонов. Соседи, наверное, вышли. Только какие? На площадке, кроме нашей, квартира старенького Григория Ивановича, который не ходит, а вторая квартира пустая. Её вроде бы кому-то продали или сдали, но новых жильцов я не видела. Голоса были незнакомые, и я толком не могла разобрать, что говорили. А ещё я слышала порывкивание. Вдруг пробили родной голос тёти Люси:

— Опять авария! А вы чего тут ходите? Батюшки! Волка завели! Справка-то у него есть от бешенства?

Она водила по стенам широким лучом, потому что у неё был настоящий фонарик, а не телефонный, и, как обычно, ругалась.

Я повернула ключ в замке: щёлк-щёлк-щёлк, распахнула дверь на всю ширь и наткнулась на что-то тёплое и пушистое. Тёти-Люсин фонарик осветил огромную собаку, которая виляла хвостом-кренделем и тут же стала обнюхивать мои руки.

— Чили, ф-ф-ф-фу! — из темноты на меня смотрел незнакомый мальчик.

— Глафира, ты одна дома? — спросила тётя Люся.

— Да, — сказала я и начала икать на весь мир. — Ик-ик-ик!

— Запирай дверь, пошли ко мне. Нечего одной сидеть! Матерь только предупреди. А вы идите в квартиру. Завтра разберёмся! Я староста. Тётя Люся меня зовут.

Люди на площадке задвигались, и я успела разглядеть двух взрослых — мужчину с бородой и худенькую женщину в длинном платье.

— Очень приятно, — сказал мужчина.

Значит, у нас новые соседи, а мы и не знали. Мальчик утянул собаку Чили в квартиру. За ним бесшумно исчезли родители.

ГЛАВА 2

У тёти Люси я тогда пробыла целый час. Мы сидели в сумерках — я на горбатом диване, на самом краешке, тётя Люся на стуле у окна. Авва устроилась у неё на коленях. Сначала я переживала, что надо будет разго-

варивать, а потом успокоилась, потому что разговоры со мной не входили в тёти-Люсины планы, ей нравилось молча меня охранять от темноты и неизвестности. Я даже икать перестала, хотя обычно мне надо три ведра воды выпить. Пахло лекарствами, громко тикали часы, тётя Люся чесала Авву за ушами, смотрела в окно и иногда приговаривала шёпотом: «Вот паразиты!»

Вся комната была заставлена мебелью: стулья, кресла, посудный шкаф с сервизом за стеклянными дверками. Книг не было, я привыкла во всех домах искать книжные шкафы, зато в углу на комод лежали стопки газет про здоровый образ жизни — я узнала по синей надписи. Знаете, там ещё пишут: «К ячменю лучше всего примотать капустный лист, а натощак принимать мумиё с расторопшей».

Посередине комнаты громоздился круглый стол под скатертью. И я подумала, что из-за скатерти под столом получился уютный домик, можно натащить туда подушек, миску яблок, книжку — м-м-м, мечта. Я даже пошевелила скатерть ногой, чтобы проверить, не натащила ли тётя Люся подушек, а то, может, посиживает там иногда и читает с фонариком. На разных частях стола были разложены разные предметы по секторам: тут вязание, в другой части — подносик с коробочками и пузырьками, оттуда и пахло лекарствами, ещё дальше — стопка кроссвордов, ещё был сектор с чашками и корзинкой с печеньем. Я представила, как тётя Люся крутит столеш-

